

1

С трудом разлепила глаза... Поморгала... Медленно из серой мути стали проступать очертания окружающих предметов, людей. Серые пятна. Всклопоченные волосы. Замызанное тряпье вместо одежды. Где мужчины, где женщины – не разобрать. На столе бутылки, стаканы – заляпанные, век не мытые. Едкий дым дешевых папирос делал воздух в помещении нестерпимо тяжелым. Девочка постепенно приходила в себя, из невнятного шумового фона стало возможным различить звуки, голоса. Это были звуки пьяного разговора, бессвязного словесного потока. Вдруг посреди этих возгласов, окриков, тычков послышался детский плач. Тихий, тонкий, беспомощный. Звук шел будто откуда-то извне, но это был ее голос – плач полуторагодовалой Лены. Серые пятна умолкли, повернулись в угол, где на полу лежала девочка. «Че ей надо?» – спросил кто-то. «Есть хочет». «Ну, дай ей водки». Люди за столом вернулись к стаканам и бутылкам. А прямо перед глазами девочки возникло одутловатое лицо, руки больно сжали детские щеки. В крохотный ротик полился горький огонь. В животе загорелось, голова загудела. Веки снова налились тяжестью. Стол, люди, лохмотья – все медленно слилось в одно серое пятно. Глаза снова слипались. Звуки растворялись. Вдогонку угасающему сознанию девочка успела услышать: «Во! Пускай спит!»

2

Маленькая Лена выскочила на улицу и остановилась. Куда бежать? Темно. Холодно. Вокруг серые низкие деревянные дома. Людей нет. Туман или дым окутывал все так, что можно было угадывать только очертания домиков, столбов. Вдруг появилась тётя в коричневом пальто и зеленом берете. Она подхватила на руки девочку, крепко прижала к себе, поцеловала куда-то в ухо. Как тепло! Как тепло! Тепло...

Лена проснулась. Открыла глаза. Где она? Где тетя в коричневом пальто и зеленом берете? Исчезла. Растворилась, как и положено сну. Девочка не сразу узнала большую спальню, вернее, просто комнату, больше похожую на школьный спортзал, из которого вынесли мячи и маты, а взамен брусьев и козлов поставили в несколько рядов десятки железных кроватей. Кажется, целое поле холодных железных кроватей с детьми. Нет ничего чудовищней этих кроватей, когда 30-40 детей, мальчиков и девочек, спят вот так – в поле.

Кровать Лены стояла у стены, и это еще хоть как-то спасало: было куда отвернуться, во что уткнуться, по чему поводить пальцем. В голове девочки на всю жизнь осталось это поле кроватей. «Детский сад, из которого не забирают». Никогда. Потому что некому забирать. И некуда. Совсем.

В дверь вошла очень худая, сморщенная, но невероятно энергичная женщина. Сверкнув злобными глазками, она решительным движением повязала на голову тонкий шарф и рявкнула: «А ну всем спрятаться под одеяло и спать!» Испуганные глазенки мгновенно скрылись под застиранными пододеяльниками. Эту женщину

боялись. Она не только кричала. Она могла вытащить из кровати, дергая за руки, шлепать, обзывать, тыкать пальцем в спину, поставить в холодный угол. Под одеялом было как будто укромно, но невероятно душно, темно и все равно страшно. Тетя ходила между рядами кроватей, значит, высовываться было опасно. Но вот шаги, удаляясь, стали стихать. Можно высунуть нос – вдохнуть воздуха.

3

В столовой давали кашу. Белую, липкую, противную. А рядом со мной сидела девочка и ела неведомую «гушенку». Никто не знал, какая она на вкус, но все понимали – это нечто сказочное, невероятно вкусное. Сладше чая и компота! Желтоватая масса была налита в плоскую тарелку. Девочка пыталась загрести как можно больше сладости, но в ложке оставалось совсем чуть-чуть, а на дне тарелки получались бороздки, которые тут же сходились. Я смотрела на магические манипуляции и больше всего на свете мечтала прямо сейчас попробовать эту самую «гушенку». Такая тарелка лакомства стояла только перед одной девочкой. И все знали почему. Ее сегодня забирают. Что значит для детдомовского ребенка это слово? Это то, что невозможно осознать, вместить в привычные рамки, осмыслить детским умишком. Это как, например, человек, несправедливо осужденный на пожизненное заключение, без права подачи апелляции, ждет фразы «с вещами на выход». Но как ждет? Он понимает, что это невозможно. Надежда иногда оживает и терзает... Или в аду после нескольких сотен лет мучений голос: «Эй, наверху, принимайте отмоленную». Или в Антарктиде, среди снегов и вечной мерзлоты, посреди полярной ночи, вдруг засияет в небе сразу десять жарких солнц. Ожидание детдомовца сродни тому, как земля пустыни ждет дождя, горит под солнцем, все больше растрескивается, а дождя все нет. Годами. Веками.

Все ели молча свою кашу и смотрели на девочку с «гушенкой». Я сидела совсем рядом с ней и заглядывала то в тарелку, то в лицо девочки и удивлялась: почему она ест? Не прыгает от счастья, не хохочет, не бросает тарелку и не бежит к маме? А потом стало ясно – она еще не верит. Не понимает. Намеренно тянет время, чтобы услышать со стороны слова: «Пойдем, за тобой пришли». Тогда будет точно ясно – это не сон. Все по правде. И она дождалась.

Мы не знали, что значит жить с мамой. О папе никто и не мечтал, в голову не помещалось, что счастье может быть настолько полным. На тех, кто ухаживает за руку с мамой, смотрели так же, как мы бы смотрели на инопланетян. Ведь это совершенно невероятно: вот вы вместе играли, смотрели «Спокойной ночи, малыши», ели кашу рядом, или сидели на горшках... И вот ее уводит мама. Уводит домой. Невероятно. И «гушенка» в тарелке – верный знак того, что человек сегодня будет дома. В своем доме! У него будут свои вещи, свои игрушки, своя тарелка. А главное – будет мама! Она будет целовать, гладить по голове, книжки читать.

Кстати, «гушенка» на всю жизнь осталась для Лены самым вкусным, сказочным лакомством.

4

Прошло 35 лет, а помню как сейчас тот день, когда пришла мама. Я сидела в коридоре на маленьком стульчике с игрушкой в руках. Ходила я плохо. Уставала через несколько шагов, потом ноги подкашивались, и я падала. В детских играх совсем не участвовала, на прогулку вместе со всеми почти не выходила: воспитатели не хоте-

ли возиться с ребенком, которого надо постоянно брать на руки, да который к тому же может описаться. Букет болезней практически отрезал меня от общения, свежего воздуха и обеспечивал брезгливое отношение персонала. Навсегда это ощущение закрепилось во мне. Так и не проходит эта брезгливость, которую, как мне кажется, испытывают ко мне люди. Поэтому я никогда не верю ни одному слову похвалы, считая ее завышенной; когда меня приглашают в гости, я уверена, что говорят это из вежливости, а на самом деле надеются на отказ (потому и не хожу в гости); когда говорят комплименты, мне кажется, что это изощренное издевательство.

Игрушка у меня в руках – синий кот с белыми лапами и хвостом. Пластмассовый такой, с тиснением, которое изображает шерсть. Это была самая ненужная, самая плохая игрушка из всех. Просто, когда принесли целую корзину самых разных, больших и маленьких, мягких и деревянных игрушек, высыпали на пол, дети, конечно, ринулись к этой горке, тянули, хватали, кричали, дрались. Пока я доковыляла – остался кот. С ним в руках я и сидела, когда появилась тетя в коричневом пальто и зеленом берете. Все знали, что если вдруг приходит человек не в белом халате – это вполне может быть чья-то мама или папа. И конечно, как только тетя оказалась в поле зрения детей, игрушки – все, даже самые красивые и любимые, – мгновенно были забыты. Дети обступили тетю, тянули к ней руки, подпрыгивали, чтобы оказаться как можно ближе – лицом к лицу, и наперебой кричали: «Тетя, тетя, возьми меня к себе домой! Я буду тебя мамой звать! Я буду тебя слушаться!» Тетя плакала, молчала и смотрела на меня. А я? Я тоже хотела побежать, тянуть руки, кричать, обещать всего и много... Только вот ноги не слушались. Так я и сидела с синим котом. Так мама меня и увидела. Так она поняла, что она моя мама.

5

Однажды в жизни Лены произошло то самое невероятное чудо. Пришла мама – в коричневом пальто и зеленом берете, просто взяла за руку и увела к себе домой. Лена не знала тогда, что у мамы в детдоме работала знакомая, и это она устроила для нее выходные в семье. Те два дня пролетели так непонятно, быстро и будто во сне. Вкусная еда, красивая одежда, чистая постель, мультики, игрушки. Все пролетело в один миг. А потом мама с Леной снова оказались на пороге детдома. Мама сказала: «Поживи пока здесь, я скоро за тобой приду. Обязательно приду. Ты жди». Что такое для ребенка в два с половиной года слова «скоро» и «жди»? Правильно. Ничего. Это означало только одно – бросила. Она меня бросила. Опять.

Я перестала есть, играть, спать. Непрерывно плакала, падала с кровати посреди ночи с криками: «Верните меня моей маме! У меня есть мама! Верните меня моей маме!» Врачи решили ставить уколы, чтобы не травмировать психику других детей. Ставили часто и больно. После них – тяжелое забытие и страшные сны. Казалось, это никогда не закончится.

Лена не знала, что за всю историю этого детского дома подобных историй никогда не случалось. Директор тогда позвонила маме на работу и сказала: «Забирайте вашего ребенка, иначе она сойдет с ума». «А как же документы по усыновлению? Мы еще не все оформили», – удивилась мама. «Потом доделаете. Забирайте!» Это был беспрецедентный случай. Нарушение всех существующих уставов и правил, но у директора не было иного выхода.

Мама пришла на следующий день с огромной сеткой новых вещей. Я уже не плакала и не кричала. После очередного укола голова сидела на плечах совершен-

но без мыслей, без боли, без цели. Вместе с другими детьми я смотрела в сторону телевизора. Показывали «Спокойной ночи, малыши». Я просто сидела с открытыми глазами. Вдруг до сознания доплыл голос: «Кристина, за тобой мама пришла». Кристина! Мама сказала, что теперь меня зовут Кристина. Я еще об этом не знала. Поэтому в голове тихо проползла мысль: «Опять кого-то забирают. Не меня». Голос повторил: «Кристина, тебя мама ждет». Я выглянула в коридор. Коричневое пальто, зеленый берет, мамина улыбка. «Кристина, пойдем домой». «Домой... Домой... Домой...» – отозвалось в голове. Все происходило очень медленно. Воздух был словно липкий и мешал побежать со всех ног. Я подошла, как будто нехотя, но на самом деле недоверчиво и без сил. Мама взяла меня за руку, повела в раздевалку, поставила на стульчик, раздела. А потом стала доставать из огромной сетки красивые вещи и надевать на меня. Работники детдома стояли тут же. Смотрели и плакали. Оказалось, у меня теперь есть своя одежда, и ее, кроме меня, никто не будет надевать. Но это, как и многое другое, еще только предстояло понять. Все происходило будто не со мной. Было ощущение, что со стороны вижу всю сцену.

Оделись. Кто-то из воспитателей, указывая на кучку старой одежды, которую только что сняла с меня мама, сказал: «Возьмите в помощь – на первое время». «Нет, – был ответ. – Нам ничего не надо. У нас все есть».

«Пойдем домой», – сказала мама, глядя мне в глаза. И мы пошли. Медленно спускались по ступенькам. Вот знакомые до боли перила, выкрашенные в голубой цвет. Вот между этажами у перил не хватает нескольких прутьев.

Последняя дверь детского дома закрылась за нашими спинами. Я редко бывала на улице, а вечерний город просто никогда не видела. Оказалось, выглядел он сказочно. Фонари на высоких тонких столбах такие красивые: желтые, белые, сверкают невообразимо ярко. «Пойдем, вон нас папа ждет», – произнесла мама. Вот тут только я словно очнулась от комы и наконец открыла рот в удивленном возгласе: «Так у меня еще и папа есть?!». «Конечно».

Папа нес меня на руках до самого дома. Мы долго ехали в трамвае, потом шли от остановки. И вокруг сверкали фонари. Оказалось, если прищуриться, желтые и белые огни превращаются в лучистые, искристые солнышки. Лучи получаются такие длинные, что встречаются, пересекаются, и все сияет.

В тот вечер сиял весь мир.